

М.М. Ковалевский о социальной сущности и политических идеях Английской революции XVII века

Историческая наука в России последней трети XIX - первых двух десятилетий XX века переживала пору своего расцвета и встала вровень с зарубежными национальными историческими школами, как по уровню своей теоретико-методологической базы, так и по широте и глубине охвата конкретно-исторической проблематики.

Особенностью данного периода являлись, во-первых, позитивные шаги правительства «порепорформенной эпохи» «сверху», служившие импульсом к замене всего российского уклада в социальной, экономической, политической и духовной областях; во-вторых, изменения диктовались «изнутри» и обуславливались необходимостью исследования исторического опыта тех стран, которые уже прошли путь от традиционного, по сути своей средневекового общества, к быстро развивающемуся государству современного типа, основанному на рыночной экономике, либеральных ценностях и свободах, научно-техническом прогрессе; в-третьих, интеллектуальные векторы «извне» - успехи новых теорий в области гуманитарного знания, переход от идеалистической философии Гегеля к естественнонаучным школам и, в первую очередь, позитивизму неудержимо влекли за собой переоснащение истории как научной дисциплины новыми исследовательскими методами и расширяли кругозор историка; в-четвертых, внутренняя логика развития исторической мысли от изучения античных и библейских сюжетов к проблемам многовековой «картины жизни» в эпоху Средневековья необратимо ставила задачу освоения «свежих следов» «нововременной цивилизации», с ее родовыми признаками: капитализмом, борьбой за раскрепощение личности во всех аспектах ее жизнедеятельности и революционными грозами.

Российские «всеобщие историки» находились на передовой этих сложных и часто противоречивых процессов и сумели найти адекватные «ответы» на «вызовы» времени. Именно в это время появляется устойчивый термин «русская историческая школа» или «русская школа» зарубежной истории, обогатившая мировую науку исследованиями социально-экономического фактора, а также изучением истории Франции «старого порядка» и эпохи революции XVIII века.

В 2011 году исполнилось 150 лет со дня рождения М.М. Ковалевского - «самой яркой фигуры в русской либеральной историографии»¹, «выдающегося историка нового времени»,

¹ Могильницкий Б.Г. История нового времени в России в порепорформенный период // Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990. С. 302.

«обеспечившего признание русской исторической науке на Западе»²: историка, социолога, этнографа, юриста, археолога, урбаниста, историка хозяйства и общественно-политической мысли. Количество лишь опубликованных трудов М. Ковалевского приближается к 700 наименованиям³. Об этом ученом написано уже немало, и сегодня продолжают выходить книги и статьи, что, по мнению некоторых авторов, позволяет утверждать о сложившейся в российской историографии традиции «Ковалевсковедения»⁴. Общеизвестными стали работы, раскрывающие те или иные аспекты его многообразной деятельности: научной, педагогической, общественно-политической, а также ранее малоизвестные страницы биографии и личной жизни ученого.

Большинство из работ российских авторов последней трети XIX в., так или иначе затрагивающих эпоху Английской революции XVII в., страдало общими недостатками: они были написаны, в основном, на отечественных источниках или опубликованных переводах, сведения зачастую брались «из вторых рук», преобладали философские исследования и книги биографического жанра. Глубокого и специального исследования, основанного на оригинальных документах, среди этих трудов еще не было.

Именно М. Ковалевскому, первому из российских историков, защитившему магистерскую и докторскую диссертации на британском архивном материале, суждено было стать основателем истории средневековой Англии. Именно после его работ появились труды П.Г. Виноградова, Д.Н. Петрушевского, А.Н. Савина, заложивших основу отечественной школы изучения Англии⁵. Данный вывод современного российского исследователя мы можем с успехом отнести и к Англии нового времени, которую Ковалевский изучил столь же основательно.

Покинув Россию и обосновавшись во Франции, российский ученый продолжает свой «английский цикл». В 90-х годах XIX в. он принимается за обстоятельное исследование проблем Английской революции XVII в. Ученый-англовед замыслил создать большой труд по данной теме, но не довел работу до конца, хотя в течение 20 лет публиковал статьи по различным аспектам революции⁶.

² Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. Т.12. М., 1962. С.104; Т.2. М., 1957. С.197; Т.П. М., 1961. С.394.

³ Емельянов Ю.Н. Максим Максимович Ковалевский (1851-1916). Библиография трудов М.М. Ковалевского // История и историки. Историографический ежегодник. 1980. Мг 1984. С.298-337.

⁴ Золотарев В.П., Мягков Г.П. Правда памяти (Историческая судьба наследия Максима Ковалевского) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 6. Выпуск I. 1995. С.82.

⁵ Сафронов Б.Г. М.М. Ковалевский как социолог. М., 1960. С.19.

⁶ Романова И.И. Английская буржуазная революция середины XVII века в освещении М.М. Ковалевского. Воронеж, 1974. С.4.

Какие вопросы в первую очередь привлекли внимание российского историка? Прежде всего - предпосылки революции, а именно социально-экономическое развитие Англии в XV-XVII вв.: аграрный вопрос; секуляризация, огораживание общинных земель, обезземеливание крестьянства. Интересовали Ковалевского и проблемы, связанные с политической борьбой в ходе революции и общественно-политической мыслью эпохи.

Период первой Английской революции Ковалевский называет «поворотным моментом не в одной политической, но и в социальной жизни Англии, потому что он знаменует собою решительный разрыв со средневековым хозяйственным строем, его системой мелкого производства для удовлетворения потребностей рынка... Переворот этот сказался в области производства и расширения скотоводства в ущерб земледелию, в области городского - в развитии суконной мануфактуры и вывозной торговли их продуктами. Все и каждое из перечисленных явлений были вызваны, несомненно, всем предшествующим ходом экономического развития страны и только ускорены в своем дальнейшем ходе тем отношением, в какое стало к ним правительство республики»⁷. Проследивая данный период экономического развития страны, Ковалевский указывает на его «отправные пункты» развития: рост торговли шерстью в XV веке, развитие в связи с этим овцеводства и огораживаний, замена землевладельческого хозяйства луговым»⁸.

Поворотным моментом в истории земледелия и сельских классов Ковалевский называет XVI в., когда овцеводство вышло за пределы личных земель и стали огораживаться общинные пастбища. Это вело к уходу из поместья копигольдеров, и вечно - наследственная аренда крестьян, или копигольд, начинает уступать место фермерскому хозяйству, т.к. «мелкое крестьянское хозяйство возможно лишь под условием существования, наряду с наделом, еще общинных угодий», на которых крестьянин может кормить рабочий скот, корову и т.д. С другой стороны, копигольд становится убыточным для держателя, т.к. крестьяне платят неизменную ренту, а цена за землю постоянно растет.

Согласно теории Ковалевского, рост запроса на землю, рост ренты за землю, увеличение в ряде стран спроса на шерсть дополняются еще одной важной причиной переворота в сельском хозяйстве - секуляризацией монастырских земель, проведенной Тюдорами, когда «последовало перемещение приблизительно 1/5 или 1/6 всей

⁷ Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в эпоху республики. 1. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12. С.480.

⁸ Ковалевский М.М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе. СПб., 1899. С.166.

возделываемой площади из рук аббатов и приоров в руки светской знати»⁹ и «ни слова не было сказано в пользу безземельных»⁹.

Таким образом, исчезновение крепостного права в английской деревне историк объясняет чисто экономическими причинами¹⁰. Земледелие отступило на задний план, уступив место скотоводству, на смену крестьянину пришли «денежные арендаторы, скупщики и торговцы шерстью». Изменился облик деревни, а лендлорды превратились в буржуа. Обезземеление крестьянства привело к новой демографической ситуации: «население хлынуло в города и доставило английским городским промыслам - мануфактуре и торговле - то громадное количество рук, без которого в эпоху, когда машины еще не были известны, английской промышленности и торговле отнюдь не удалось бы достигнуть такого быстрого преобладания над промыслами и торговлей других стран Европы...»¹¹. Кроме того, развилось бродяжничество и нищенство.

Подробно осветив социально-экономическое развитие Англии в XVI веке, и, главным образом, аграрный переворот, историк анализирует непосредственные причины революции. В 12-ой главе «Истории Великобритании» он подробно описывает правление первых Стюартов, раскрывает суть конфликта между королем и парламентом по конституционным, денежным и церковным вопросам. Но, отмечая религиозные споры, ученый все-таки на первый план выводит противоречия в области экономических и политических отношений.

В анализе событийной истории революции Ковалевский также выделяет аграрный вопрос как основной. Он прослеживает, как в XVII в. продолжалось обезземеление крестьянства и захват общинных земель, когда к традиционному «огораживанию» добавляется и «осушение болот» с последующей передачей лучших земель новому собственнику. Российский историк замечает, что «быстрый рост населения, увеличивший спрос на землю, повел к возрастанию платимой за нее ренты, а это обстоятельство должно было обусловить собою более интенсивную систему хозяйствования, при которой общинное землевладение... становится анахронизмом»¹². Таким образом, именно необходимость интенсификации сельского хозяйства обусловила решение аграрного вопроса в ходе революции. Кроме этого, Ковалевский отмечает «неудобства феодальных порядков» для дворян также в плане юридической практики, когда они «не могли беспрепятственно согнать

⁹ Там же. Кн. I. С. 124.

¹⁰ Ковалевский М.М. Поворотный момент в истории землевладения и землевладельческих классов в Англии // Историческое обозрение. 1891. Т.3. С.36, 44.

¹¹ Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880. С.133-134.

¹² Ковалевский М.М. Общественный строй Англии в эпоху республики. I. Аграрный вопрос // Юридический вестник. 1891. № 12. С. 494.

крестьян со своей земли, не нарушая их прав»¹³ и в то же время сами являлись вассалами короля и обязаны были нести повинности и платежи, как и их собственные крестьяне.

Феодализм, как мы видим, с каждым поколением становится все более тягостным для земельных собственников во всех своих проявлениях. Поэтому, по мнению ученого, и был принят акт 1656 г., которым был «положен конец феодальным и крепостным отношениям» в интересах землевладельцев.

Ковалевский следующим образом определяет характер революции: «Таким образом, знакомство с социальными условиями землевладельческих классов в период республики и протектората не оставляет сомнения в буржуазном характере первой Английской революции...»¹⁴. А последствия ее таковы, что «прогресс Англии в мировой промышленности и мировом обмене имеет своим отправным пунктом обезземеление народных масс»¹⁵.

Итак, Ковалевский первым из российских ученых совершил прорыв в изучении Английской революции, рассматривая в единстве социально-экономическую и политическую историю, причем первая у него обуславливает вторую. Говоря словами А.Н. Савина, «социальная история имеет дело по преимуществу с двумя сторонами общественной жизни: с правоспособностью различных общественных классов, и с их хозяйственным положением. У Ковалевского, юриста по своей преподавательской деятельности, в работах по английской истории, история хозяйственного быта получает решительное преобладание над историей юридических норм: для широких выводов и сравнений экономическая эволюция дает гораздо больше, чем сложная и своеобразная история английского права... Ковалевский является убежденным сторонником эволюционной точки зрения и явно склоняется к мнению о первенствующем значении экономических явлений в общественном развитии»¹⁶.

Вклад российского ученого тем более значим и весом, что кроме него, в зарубежной историографии последней четверти XIX в. экономической историей Англии специально занимался лишь Т. Роджерс, изучавший сугубо специфические вопросы экономики. По мнению Е.В. Гутновой, «экономическое развитие средневековой Англии с середины XIII до конца XVIII вв. рассматривалось им сквозь призму движения зарплат, а также движения цен на хлеб, шерсть и другие необходимые средневековые товары. Поскольку движение цен и зарплат само нуждалось в объяснении, Роджерс наряду с ним решающую роль отводит

¹³ Там же. С.505.

¹⁴ Там же. С.509.

¹⁵ Ковалевский М.М. Причины обезземеления крестьян в Англии // Вестник Европы. 1909. № 4. С.759.

¹⁶ Савин А.Н. Социальная история Англии XV и XVI века в новой историографии // Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 5. С.324-325.

фактору народонаселения, трактуя его при этом скорее не с экономической, а с биологической точки зрения»¹⁷.

Другой, не менее известный английский историк революции С. Гардинер вообще мало интересовался аграрным и социальным вопросом в Англии середины XVII в. В 18-томной работе по истории гражданской войны он, в сущности, «прошел мимо деревенской Англии, если не считать краткой характеристики клубменского движения, несколько замечаний о зарплате рабочих и подъеме цен на хлеб, сделанных на основе исследований Роджерса; Гардинера интересовала официальная, правящая Англия того и другого лагеря, интересовали больше события, чем состояния»¹⁸.

В 1900-е годы научный и практический интерес Ковалевского перемещается от социальной и экономической истории к истории идей и общественной мысли. Это находит отражение в его работах по истории Англии, которые публикуются в России в самых различных изданиях. Основным трудом Ковалевского по истории политической мысли является трехтомник «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений» (1906).

Какими же предстают перед нами концептуальные взгляды российского ученого в области общественной мысли и политических учений? Начнем с того, что сам Ковалевский, характеризуя свои научные интересы, иногда говорил, что он на две трети является историком учреждений и идей (выделено мною. - О.Б.)¹⁹. С этим, безусловно, можно согласиться, как, впрочем, и с тем утверждением историка, что изучать историю государственных институтов и политических идей в отрыве друг от друга бессмысленно. Во вступлении к своему главному труду в этой области Ковалевский ставит именно такую цель, когда пишет: «Я намерен представить в возможно сжатом виде историю государства, насколько она выступает в доктринах важнейших политических писателей, как древнего, так и нового мира. Моя книга - не история политических учений и еще менее история учреждений. Это - попытка показать, что обе тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой. Ряд писателей (мне достаточно вспомнить в настоящее время имена Поля Жанэ, Франка и Б.Н. Чичерина) задался уже мыслью изобразить общий ход развития политических теорий: одни излагали их в связи с учениями о нравственности, другие - в связи

¹⁷ Гутнова Е.В. Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиевистике второй половины XIX в. (60-90-е годы) // Средние века. 1960. № 17. С. 359.

¹⁸ Архангельский С.И. Аграрное законодательство Великой английской революции 1643-1648 гг. Ч.1. М., 1935. С.5.

¹⁹ Фатеев А. Максим Ковалевский. К годовщине смерти. 1851-1915. Харьков, 1917. С.45.

с развитием метафизики. Но ни один не счел нужным показать более тесную зависимость политической мысли от политической жизни»²⁰.

Совершенно иначе к рассматриваемым вопросам подходит Ковалевский. По словам современника, «упорная неподвижность и догматизм одинаково свойственны и манчестерскому либерализму Чичерина, и консерватизму Коркунова. То и другое было чуждо живой мысли Ковалевского. Он не думает, что вечная истина - старая истина. Жизненной истиной для него была идея прогресса во всем: в промышленности, в политическом строе, в человеческой мысли». В ответ на утверждение о том, что все формы политического устройства, известные еще Аристотелю, продолжают жить и сегодня, он возражал, указывая при этом, что «под старыми названиями... нам приходится иметь дело с совершенно новыми политическими образованиями»²¹.

«Заглавие моей книги, - пишет Ковалевский, - верно передает мою основную мысль. Я думаю, что ход развития сказался в замене прямого народоправства представительным и патриархальной монархии - парламентаризмом, или системою самоуправяемого общества под главенством наследственного или избираемого вождя». Природа этой эволюции потому была дорога Ковалевскому, что она соединялась с развитием самого общества, с исчезновением в нем рабства и крепостничества, проведением в жизнь равенства всех перед законом и судом, ростом общественной самодеятельности, укреплением неприкосновенности тех самых прав личной свободы, которые еще со стороны левеллеров столь торжественно были провозглашены неотчуждаемыми, и которые в последнее время нашли лучшее, по его мнению, осуществление в парламентарных государствах. Но и парламентаризм он не считал последним словом политического творчества, и приветствовал его всякое дальнейшее развитие «в духе равенства и свободы»²².

Ковалевский не идеализировал ни прошлое, ни настоящее, оба периода представлялись ему одним из звеньев в цепи событий исторического развития. Это «представление о вечном обновлении человечества, в противоположность представлению о постоянстве и повторяемости форм ее, и дало ему возможность явственнее отметить такие детали политических учений, которые сглаживались и оставались в тени в исследованиях Коркунова и Чичерина; ... в его изложении заполнились подлинно живым содержанием сухие схемы абстрактных теорий»²³.

²⁰ Ковалевский М.М. От прямого народоправства... Т.1. М., 1906. С. III.

²¹ Боголепов А. М.М. Ковалевский, как историк политической мысли // Вестник Европы. 1916. № 7. С.268.

²² Ковалевский М.М. От прямого народоправства... Т.1. С. V-VII.

²³ Боголепов А. Указ. соч. С. 269.

Три главные идеи Ковалевского являлись основными во всех его крупных исследованиях:

- Народонаселение является главной причиной хозяйственной революции.
- Экономика определяет эволюцию политэкономических теорий.
- Политическая практика лежит в основе политических доктрин.

Во всех перечисленных сферах жизнедеятельности человека прогресс (ключевая формула Ковалевского-социолога) проявляет себя по-разному. В политической сфере прогресс проявляется в росте обществ, в их объединении и солидарности, в «замирности» между ними. По мнению российского ученого, тенденция к объединению охватит в конце концов весь земной шар, он мечтал об этом единстве и солидарности в планетарном масштабе. Однако Ковалевский не отождествлял общество с государством, как это делал в XX в. Э. Мейер, он признавал длительный период догосударственного состояния и развития общества. С другой стороны, он не считал также современные ему государственные формы вершиной в развитии политического строя²⁴.

Дальнейший прогресс Ковалевский видит не в смене одних государственных форм другими, когда монархию сменяет республика, а в неуклонном развитии политических прав и равенства граждан, а также их свободы. Категории равенства и свободы имели у него характерные синонимы: представительство населения и автономия личности; самоуправление народа и самоопределение личности. «Не в наличии или отсутствии правящей династии надо видеть ближайшее развитие политической организации народа, - пишет Ковалевский, - а в большей или меньшей автономии личности, с одной стороны, и большим или меньшим участием своего гражданства в руководительстве политической жизнью страны - с другой»²⁵.

Исходя из данного постулата, историк задается целью проследить совершенствование политических идей и практики в указанном направлении²⁶. Он показывает, что прославленная античная демократия была весьма далека от идеала, а средние века представляли временную остановку в прогрессивном развитии политической доктрины и учреждений²⁷. Таким образом, у него история политического прогресса, который он отождествляет с демократией, не совпадает с историей политической жизни народов. Последняя шире во

²⁴ Сафронов Б.Г. Указ. соч. С. 133.

²⁵ Ковалевский М.М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С.237-238.

²⁶ Сафронов Б.Г. Указ. соч. С. 135.

²⁷ Ковалевский М.М. От прямого народовластия... С.106.

времени и пространстве, чем первая. По мнению, Б.Г. Сафронова, не случайностью и не европоцентризмом (решительным противником которого был историк), а указанной выше концепцией объясняется отсутствие в работе «От прямого народовождения...» истории политических учреждений и теорий некоторых древних монархий, арабского халифата, римского цезаризма и католической теократии. Ковалевский убежден, что здесь нельзя искать «зародышей современного демократического движения», ибо здесь имеет место совершенное преклонение личности перед властью - с одной стороны, а с другой стороны - признание равенства людей только перед богом²⁸.

В лекциях по истории политических идей в XVII-XVIII вв., прочитанных в Высшей вольной школе в Петербурге, Ковалевский подчеркивал ту же мысль, что и в известной монографии, говоря, что «... история политических и социальных доктрин должна поставлять и решать вопросы: есть поступательный ход в развитии этого учения в связи с развитием форм правовых и государственных, и в какой связи стоит она с общим ходом человеческих знаний... Каждый мыслитель есть продукт своей среды, ничто не проходит для него бесследно... политические доктрины есть не что иное, как выражение верований и надежды народа»²⁹. Историзм, органично присущий творчеству российского ученого во всех его проявлениях, формулируется им как кредо политического мыслителя и, следовательно, это требование необходимо применять и ко всякому изучающему плоды его труда. «Политические писатели, - говорит Ковалевский, - не в состоянии проводить жизнь, замкнувшись в лаборатории, кабинете: им необходимо проводить свои идеи в жизнь, под влиянием событий они вырабатывают свои теории». Ученый ссылается на изречения Гете, заявлявшего: «кто жил для своего времени - жил для всех времен» и О.Конта: «мертвецы иногда наиболее живые люди». Согласно Ковалевскому, обращаясь к изучению известной эпохи, необходимо, прежде всего, поставить вопрос, что «унаследовали писатели от предшествующей эпохи и что внесли нового».

Объясняя задачу исследователя данного исторического времени, российский историк перечисляет ряд необходимых требований, а именно, «какой уровень народа, где появляются писатели; какова личная подготовка его самого; каково отношение к учреждениям его страны; каковы источники его теории; его отношение к вечным вопросам, его философское мировоззрение: что им заимствовано, что привнесено, как он додумался до своих идей,

²⁸ Сафронов Б.Г. Указ. соч. М. 138-139.

²⁹ Архив РАН. СПб. Ф. 103. Оп.1. Ед. хр. 399. Л. 2-3.

насколько его учение может считаться истинным; заблуждался ли он, или мысль людей не поднималась еще до того уровня, когда она может претворить его идеи»³⁰.

Подобная методика работы с миром идей и учений и сегодня вполне соответствует арсеналу интеллектуальной истории, вобравшей в себя, в том числе, и историю политических учений и идей³¹.

Каковы же основные константы современного, по Ковалевскому, правового государства, как он их видит и исследует? Это, в первую очередь, «идеи личного права, разделения властей, господства права, гарантии конституции, ответственность должностных лиц перед судом, свободное местное самоуправление, двухпалатная система и парламентаризм - «все это основано на идее самоопределения личности»³².

Личные свободы и возможность самоопределения личности для Ковалевского всегда было принципиальным и политическим вопросом, а если уж выделять главную политическую идею мыслителя, то это и будет, как подчеркивали его современники, идея свободы личности [выделено мною. - О.Б.]. И нет ничего опаснее, указывал он, чем всемогущество государства, так как это неминуемо означает подавление личности, наоборот, «государственная власть принципиально должна быть всегда ограничена, а личные права, напротив, обладают принципиально неограниченным характером, так как не они служат целям государства, а государство служит целям «охраны личной самодеятельности». Безусловно, что не Ковалевский открыл эту идею, она не принадлежит кому-то одному, а является коллективной. Однако именно он в самых разнообразных вариациях и с необходимою полнотою приемов социологической и политической аргументации выдвинул и обосновал данную идею. Важно то, что в его работах «идея личности-самоцели проникает собой и предопределяет все его остальные политические воззрения: из этой идеи можно их легко вывести, и только в свете этой идеи можно правильно понять их»³³.

Приверженность Ковалевского Англии не ограничивалась лишь тематикой его работ и практическим интересом к британским порядкам. Полпред российской науки и общественности часто бывал в Соединенном королевстве и подолгу там жил, устанавливал личные контакты с учеными, политиками, писателями.

³⁰ Там же. Л. 4-5.

³¹ См. об этом: Репина Л.Н. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. Гл. 5; Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996.

³² Магазионер Я. Политическая идея М.М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности // Вестник Европы. 1917. С. 313.

³³ Там же. С. 307.

Историк совершил прорыв в изучении общественной и политической мысли Англии в мировой историографии, впервые представив цельную картину смены эпох в общественном и политическом сознании на протяжении нескольких столетий, причем не в узком юридическом смысле как политико-правовых учений, а в широком историческом понимании - совокупности общественных и политических идей.

М.М. Ковалевский определяет основное различие между учениями средних веков и нового времени, которое заключено в нераздельности начал личности и государственного суверенитета, преобладании сословных прав над личными в Средневековье. Он опровергает устоявшийся в науке тезис о том, что Протестантизм и Реформация являются исходными моментами в развитии либерально-демократических теорий нового времени и подчеркивает, что Реформация лишь способствовала распространению последних.

Русский англовед подробно анализирует аргументацию основных противоборствующих лагерей в идеологической подготовке в ходе самой Английской революции XVII в.: абсолютистские концепции и взгляды сторонников «смешанного правления» и парламента. Он отмечает отсутствие в традициях английской политико-правовой мысли самого понятия «абсолютизм» и прослеживает его заимствование из иноземных источников - французских, итальянских и др. Историк указывает на наличие трех течений у кавалеров: теологического, юридического, рационалистического и демонстрирует основные положения «патриархальной теории», «ветхозаветных аргументов» и светского учения Т. Гоббса. Вывод ученого состоял в том, что теория абсолютной монархии в 40-х гг. XVII в. была лишена строгой исторической аргументации, юридические основы ее были спорны, а рационалистические обоснования, проистекающие из самой человеческой природы, чужды религиозному XVII веку.

Теоретические постулаты сторонников парламента зиждились на устоявшейся в политической традиции Англии формуле «равновесия короля, лордов и общин». Главной целью круглоголовых, по словам Ковалевского, было не свержение монархии, а лишь ограничение королевской прерогативы. Именно эта умеренность политических воззрений пресвитериан и индепендентов заставляла их искать и находить аргументы в пользу «умеренных образцов правления» и думать о «примирении свободы и прерогативы». И лишь разгоревшаяся война короля с парламентом поставила в повестку дня вопрос об учреждении республиканского образа правления. Но даже в самый разгар революции и в эпоху республики «креста и арфы» адепты «народного правления» не шли в своих помыслах далее синклита «лучших и мудрейших людей», а республику представляли «аристократией ума и таланта». Развитие государственных учреждений в Англии не пошло, делает вывод

М.М. Ковалевский, ни по пути Гоббса, ни по республиканским проектам, а последовало за классической либеральной доктриной, сформулированной Дж. Локком, в которой «естественные свободы» личности и неприкосновенность собственности сочетались с монархией, ограниченной «народным суверенитетом».

М.М. Ковалевский впервые в российской и английской историографии поставил проблему демократических движений в Английской революции и подробно исследовал общественно-политические взгляды Дж. Лильберна и левеллеров, Дж. Уинстэнли и диггеров, «людей Пятой монархии» и представителей других религиозных сект, положив начало изучению в XX в. радикального крыла революции и его идеологии. Историк исследовал их многочисленный памфлеты, а также «Народное соглашение» - «первую бумажную конституцию» Англии, охватывавшую все основные вопросы государственного устройства. Левеллеры отличались непримиримостью в вопросах демократического преобразования общества на базе республиканской формы правления, широкого избирательного права, неотчуждаемых свобод личности и отмены феодальных устоев в землевладении, промышленности и торговле. Диггеры, «эти первые по времени коммунистические агитаторы XVII в.», по словам М. Ковалевского, стояли «на началах уравнивания собственности», политических и личных прав, коллективизации труда и являлись непосредственными продолжателями автора «Утопии» - Т. Мора. Историк сделал вывод о том, что со смертью Лильберна и разгоном диггеров «умолкает радикальная мысль в Англии, а место политических реформ занимают заговоры и казни».

Внимательный и многоспекторный взгляд российского историка как на ключевые фигуры из числа английских мыслителей, так и на «полузабытые» в анналах истории имена, в целом оказался справедливым, а в некоторых случаях и аксиоматичным, особенно в отношении последующей филиации идеи о роли народной идеологии в революции. Последние исследования в области общественно-политической мысли Англии XV-XVII вв. корректируют и дополняют концепцию М.М. Ковалевского, но вместе с тем коррелируются его основополагающими выводами. Следует признать, говоря словами К.А. Тимирязева, что «память Максима Ковалевского не боится правды ...»³⁴.

³⁴ Тимирязев К.А. Памяти друга. Соч., Т. VIII. М., 1939. С. 340.